
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.N. Gasilin
The Mithological Conception
by Dmitry Merezhkovsky

The reconstruction of the mithological conception by D.S. Merezhkovsky is presented, based on the analysis of his trilogy "The Mystery of the Tree". The emphasis is on the most ancient civilizations reflected in Christianity and Russian philosophy. The significance of the conception for the contemporary civilization and contemporary Russia is accentuated.

Key words and word-combinations: Merezhkovsky, mythology, "The Mystery of the Three".

Представлена реконструкция мифологической концепции Д.С. Мережковского на основе анализа его трилогии «Тайна трех». Центральное место уделено рассмотрению древнейших цивилизаций, отразившихся в христианской религии и русской философии. Подчеркнуто значение концепции Мережковского для современной цивилизации и для современной России.

Ключевые слова и словосочетания: Мережковский, мифология, «Тайна трех».

УДК 1
ББК 87

В.Н. Гасилин

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

Жизнь Д.С. Мережковского была переполнена различными событиями, активной деятельностью, он оставил после себя большое литературное наследие [1]. Изучал историю философии в Петербургском университете. Известность получил как литератор, литературный критик. Первое стихотворение «Нарцисс» появилось в 1881 г., затем были созданы трилогия «Христос и Антихрист», включающая историко-философские романы «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей» (1896–1904), двухтомное исследование «Толстой и Достоевский» (1901–1902), сборники «Вечные спутники» (1897), «Грядущий хам» (1906) [5], «В тихом омуте» (1908), «Не мир, но меч» (1908) и другие произведения. Еще в 1894 г. Мережковский опубликовал статью, имевшую большой успех, – «О причинах упадка русской литературы», в которой кроме прочих достоинств содержится идея провозглашения нового, символического искусства. «Мы свободны и одиноки... перед этим ужасом бледнеют все прежние ужасы», – писал он. Это

были, видимо, предчувствия будущих трагедий, связанных с Первой русской революцией, реакцией, Первой мировой войной и большевистской революцией 1917 г.

Он явился одним из инициаторов и основателей Религиозно-философских собраний в Петербурге, объединивших различных представителей русской интеллигенции, создателем журнала «Новый путь» (1903–1904; потом – «Вопросы жизни»). После Первой русской революции, в 1907 г., было создано Религиозно-философское общество, в деятельности которого Мережковский принял активное участие; цель – объединение «интеллигенции и церкви». Результатом явилось движение, получившее название «Новое религиозное сознание», – религиозно-философское, «богоискательское» течение, лидерами которого стали Д. Мережковский, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков, З. Гиппиус и другие.

Об этом течении стоит сказать особо. Оно было далеко не однородно, о чем свидетельствуют хотя бы фамилии его участников; сами «богоискатели» именовали его по-разному: «неохристианство», «новый идеализм», «мистический реализм», «трансцендентный индивидуализм» [2]. Смысл этого движения его представители видели в спасении России, в объединении интеллигенции с Русской Православной Церковью, свободной от консерватизма и рутины. Можно (с оговорками) согласиться с оценкой этого движения, данной В. Курабцевым: «В основе “Нового религиозного сознания” было глубокое недовольство секуляризированной культурой, антиперсоналистической государственной и общественной жизнью, “мертвенным” христианством, поверхностью ценностей значительной части русской интеллигенции, а также, и прежде всего, жажда личной веры, нахождения смысла личной и мировой жизни у светской, неукорененной в христианстве интеллигенции» [3, с. 388].

На наш взгляд, не стоит относиться к богоискательству с абсолютно положительных позиций, но следует все же видеть в нем и некий положительный заряд идей; они направлены не просто на объединение интеллигенции, но на объединение ее с Церковью. «Богоискатели» выступили против социалистических идей, прежде всего марксистских. В.И. Ленин писал о том, что они выступали «против крайностей клерикализма и полицейской опеки для усиления влияния религии на массы для замены хоть некоторых средств отупения народа, слишком грубых... – более тонкими, более усовершенствованными средствами» [4, с. 434–435]. Но Ленин был, как марксист, последовательным атеистом и, разумеется, ни в коей мере не разделял религиозные устремления богоискательства, рассматривая религию, аналогично Марксу, как «опиум народу». Кроме того, он уверял: «Люди всегда были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [4, с. 228].

Новое религиозное сознание – одно из ярких интеллектуальных движений России первой половины XX в., обогатившее нашу культуру. Д.С. Мережковский первым заговорил о новом религиозном сознании, задумавшись над идеями, видимо не без влияния исканий Н.Ф. Федорова («Философия общего дела»), над проблемами преодоления смерти. Эта тематика стала для него важной в последующем творчестве. О влиянии идей В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова на

становление и развитие этого движения писал Н.А. Бердяев [5, с. 27–38]. Корни этого движения связаны, по его мнению, с вечными религиозными поисками русской души, литературы (особенно Тютчева и Достоевского, «всей русской философии», начиная с Чаадаева). Мережковский подчеркивал значение творчества в жизни человека и общества, но в еще большей степени это сделал Бердяев, остановившись на проблеме, которая ориентирована, по его мнению, на «безмерную ценность индивидуальности» и таинственную религиозную сущность творчества.

В 1906 г. Мережковский вместе с женой уехал в Париж (до 1914 г.); это не была эмиграция, они временами приезжали в Россию. Большевистскую революцию 1917 г. Мережковский не принял прежде всего из-за кровавого террора, не говоря уж о жестком атеизме власти в интеллектуальной сфере. В декабре 1919 г. он вместе с женой, Д. Философовым и секретарем В. Злобиным бежали из Петрограда в Минск, Варшаву, а в 1920 г. в Париж. Здесь он стал проводить свои литературные «воскресенья», здесь он прочитал лекцию «Большевизм, Европа и Россия», в которой обличал большевизм во лжи. В 1922 г. в Мюнхене вышла его работа в соавторстве с З. Гиппиус, Д. Философовым и В. Злобиным – «Царство Антихриста». В книге описывались ужасы большевистского режима. Ясно, что ни о каком возвращении в Россию не могло быть и речи.

Мережковский был противником тоталитаризма в любой его форме; для него это прежде всего большевизм и нацизм; его философское кредо – духовная свобода и творчество (как и у Бердяева), основанные на христианстве. Выступая в радиопередаче, организованной после нападения Гитлера на СССР, он повторил то же, что писал с 1920 г. о большевиках как абсолютном зле: «Большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличивать до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда интернациональное явление с первого дня его возникновения в России, подобно любой стране, для достижения конечной цели – захвата мирового владычества» [6]. Не случайно З. Гиппиус закончила свою книгу о муже словами: и он и она «были и в начале, и в конце, и всегда “за интервенцию”». Писатель верил, что духовное начало, культура и разум, планомерно уничтожавшиеся большевиками, возвратятся в Россию. Он был убежден, что повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат. Этого ему, конечно, не могли простить коммунисты. После освобождения Парижа от немцев в дом Мережковских явилось несколько вооруженных людей, но Мережковского уже не было в живых [7].

В 1927 г. вместе с женой Мережковский организовал литературное и философское общество «Зеленая лампа». На одном из собраний он говорил: земля есть место подготовки не только для неба, но и для новой, справедливой жизни на земле. В настоящее время эта проблема, выдвинувшаяся на первый план, стала в процессе совершенствования мира социальной проблемой – искания социальной справедливости; это творческая задача христианства [8]. В эмигрантские годы он продолжал писать исторические и философские романы «Рождение богов. Тутанхамон на Крите» (Прага, 1922).

Центральным произведением эмигрантского периода явилась трехтомная работа «Тайна трех», которая включает в себя книги: «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, 1925), «Тайна Запада: Анлантида-Европа» (Белград, 1930) и «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932–1934). Трилогия появилась на пике популярности Мережковского в Европе. Еще с 1922 г. Мережковский, наряду с И. Буниным, А. Куприным, упоминался как наиболее вероятный номинант на Нобелевскую премию (премию получил Бунин). Мережковский, по сути дела, создал в этих произведениях свой *новый жанр*, который современники затруднялись определить. Во всяком случае это не литература, в том числе историческая литература, но и под обычный жанр философских работ эти сочинения не подходили. С точки зрения Г. Струве, «все написанное и напечатанное им [Мережковским] после 1926 года относится к тому роду писаний, на который трудно наклеить какой-нибудь ярлык» и правильнее всего было бы сказать: «Это единственный в своем роде Мережковский» [9, с. 90, 253]. По мнению Струве, есть основания считать, что трилогия (заметим, что Мережковский старался почти всегда разделять свои произведения на три части, трилогии, что отнюдь не соответствует троичности диалектики, например, у Гегеля) является частью «большого, оставшегося незаконченным труда, в который так или иначе входят почти все последующие писания Мережковского и который с правом можно назвать трудом его жизни» [9, с. 253].

Это удивительное по литературному стилю и форме произведение. Каждая из частей трилогии разбита на «подразделы», которые связаны некоторой последовательностью изложения мыслей автора и образуют, несомненно, единое, с позволения сказать, целое. Они связаны, скорее, не сюжетно (какой может быть сюжет в нелитературном произведении!), не монологически, как научный или классический философский трактат; они связаны единой мыслью автора, стремящегося выразить свое, новое мировоззрение.

На содержании «Тайны» сосредоточим свое внимание. Разумеется, изложить «Тайну» вряд ли возможно, тем более что содержание трилогии написано великолепным, неповторимым литературным стилем. Это нужно читать и самому пережить те мысли, которые стремился передать автор. Причем Мережковский не рассчитывал и не очень надеялся, что его книги будут немедленно приняты и поняты читателями (может, время еще не настало?); он предлагал эти книги читателю в качестве *послания* в запечатанной бутылке, которое, плаывая некоторое время в стихии океанических волн, все же будет поймано, прочитано и понято...

Трилогия посвящена судьбам современной цивилизации. Это грандиозный философский и социальный проект. Впрочем, он уже, собственно, не социальный, завершительный в смысле завершения социальности, и в этом отношении утопичный. Этот проект – центральная мысль Мережковского, которую он обдумывал многие годы. Суть этой мысли или идеи достаточно проста. Богом был дан Ветхий Завет, который утеряли в виде скрижалей евреи как «богоизбранный» народ. Второй Завет был дан Сыном, Иисусом Христом, пришедшим в мир, чтобы искупить грехи людей, принявшим муки на кресте, умершим и воскресшим, показавшим людям возможность достичь вечной жизни. Христос дал людям Новый Завет, но люди не воспользовались заповедями

Христа, а то и исказили их. Поэтому грядет появление Третьего Завета, завета Духа – Матери. Он-то и завершит Божественный цикл. Это общая схема. На деле она воплощена Мережковским в грандиозную картину мировой истории.

Подобного рода идею высказывали и ранее в разных интерпретациях. Например, итальянский монах XII в. Иоахим Флорский полагал: «Отец не спас мира, Сын не спас его; Мать спасет его; Мать есть Святой Дух». Мир проходит три последовательных этапа: 1) Бога Творца, бога Ветхого Завета, когда жизнь проходит под знаком Закона (господин – раб); 2) период Сына Божьего Христа (отец и дитя) – период, продолжающийся и поныне; 3) грядущий период, когда откроется Третий Завет – Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви. Вот высказывание или интерпретация В.В. Зеньковского: «Первый Завет – религия Бога в мире; второй Завет Сына – религия Бога в человеке – Богочеловека; третий – религия Бога в человечестве – Богочеловечества. Отец воплощается в Космосе; Сын – в Логосе; Дух – в соединении Логоса с Космосом, в едином соборном вселенском Существо – Богочеловечестве» [10, с. 59].

Здесь требуется пояснение, касающееся проблем пола. На эту проблематику Мережковского вывел В.В. Розанов, но их взгляды в определенном, а точнее говоря, мистическом аспекте достаточно соприкасаются. Введение в Троицу женского начала все же проблематично, хотя о какой проблематичности можно говорить, если все рассуждения развертываются в плоскости мистики, а не формальной логики.

Приведем оценку творчества Мережковского, которую дал его современник Н.А. Бердяев. Она интересна, хотя и неоднозначна (она написана и касается только первого этапа творчества мыслителя – до 1916 г.). Он справедливо отмечает, что огромное влияние на Мережковского оказал Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства. Однако между этими мыслителями произошел разлад; «но он и доныне не может освободиться от обаяния розановской религии плоти», писал Бердяев. «Вся религиозная мысль Мережковского, – писал в то время Бердяев, – вращалась в тисках одной схемы, в эстетически для него пленительном противопоставлении полярностей, тезиса и антитезиса, в мистически волнующем его ожидании синтеза, откровения третьей тайны, тайны соединения полярностей» [11]. Главная полярность – Христос и антихрист. И далее: «Он политик в мистике и мистик в политике по первоначальному своему чувству жизни» [11, с. 130]. «Он любит связывать свои тезисы и антитезисы с писателями и художниками: Леонардо да Винчи – тезис, Микеланджело – антитезис; Достоевский – тезис, Л. Толстой – антитезис; Тютчев – тезис, Некрасов – антитезис и т.д.». Это положение несправедливо, поскольку не противоречит только триадичности, но и по сути дела неверно: разве можно противопоставлять то, о чем говорит Бердяев, в качестве противоположностей? Поэтому Бердяев и пишет: «*Тайна Мережковского и есть тайна двоения, двоящихся мыслей, а не тайна троичности*» [11, с. 131]. Это также несправедливо, ибо противопоставление того, что Бердяев называет «тезис и антитезис», в трактовке Мережковского не соответствует обычному диалектическому (например, в духе Гегеля) пониманию. Заметим, что диалектики как какой-то единой концепции невозможно обнаружить в истории философии [12].

Далее Бердяев пишет, что для Мережковского и близких ему людей характерна «кружковая психология»: «Эта сгущенная по духу сектантская, намагниченная атмосфера вокруг идей Мережковского, эта сверхличная магия и есть, вероятно, самое притягательное, наиболее влияющее. Мережковский никогда не говорит от “я”, он всегда говорит от “мы”. “Наше”, а не “мое” хочет он поведать миру, открыть истину соборную, а не индивидуальную. Для него существует лишь коллективный, а не личный религиозный опыт» [11, с. 135–136]. Во-первых, Бердяев упрекает Мережковского в том, чем сам страдает с самого начала своего творчества, во всяком случае в экзистенциально выраженных работах. Во-вторых, Мережковский (по крайней мере в «Тайне») постоянно беседует с читателем как с другом. В этом ценность его писаний: не безличное «мы», а диалог с читателем, не навязывание какого-то мнения, а стремление к сомыслию, основанное на личностной позиции.

Кратко концепция Мережковского состоит в следующем. Он собрал множество свидетельств о том, что женское божество у народов, в различных религиях играло ведущую роль (Иштвар, Изид... и т.п.). Самое интересное, что эти божества были двуполыми (мужеженщинами). Какие доводы? Назовем, как минимум, два. «Биологический закон»: нет однополых особей, все промежуточные. Применительно к людям это означает: «Всякая особь данного пола содержит в себе зародыш пола противоположного, мужская – женского, женская – мужского...» [13, с. 299]. Поэтому идеал – мужеженщина, сочетающая в себе свойства обоих полов. Мережковский также приводит примеры выдающихся, гениальных, духовных людей (мужчин), которые сочетали в себе не только мужские, но отчасти женские черты: Александра Великого, Наполеона, Леонардо до Винчи, юного Гете, Байрона (можно добавить: Шеллинг, Кьеркегор и др.). Эти образы можно множить и множить.

Религиозная картина мира, которую нарисовал Мережковский, конечно, отличается от «схемы», она богаче, колоритнее, хотя суть в принципе одна. Попробуем изложить ее, выделив наиболее важные, с нашей точки зрения, идеи. Первая идея, которая просто бросается в глаза при чтении трилогии, – это мысль о надвигающейся на человечество катастрофы. После ужасов Первой мировой войны Мережковский предсказывает Вторую мировую войну, которая может стать для человечества последней. А это Конец света – Апокалипсис: «Через 20–30–50 лет будет вторая война; если не мы, то наши дети, внуки, правнуки увидят ее: все это знают или предчувствуют. «Мир, мир», – говорят, а звучит: “Война, война”» [13, с. 223]. И далее он пишет: «Нынешний мир – щель между двумя жерновами, духота между двумя грозами – перемирие между двумя войнами. Десять лет я решаю и все не могу решить, где сейчас душнее, страшнее, – здесь, в Европе, или там, в России. Может быть, равно. Только по-разному» [13, с. 225].

Во второй книге из трилогии, как следует из ее названия, одной из центральных тем является тема Атлантиды. «Тайна второй и, должно быть, последней всемирной войны и есть тайна Запада – Атлантида-Европа» [с. 13, 227]. Почему Атлантида? Представление об этой погибшей цивилизации ввел в широкий оборот Платон две с половиной тысячи лет назад. К настоящему времени об Атлантиде имеется огромное количество литературы, но она не дает ответа о ее дей-

ствительном существовании, что и позволяет считать изложенное Платоном мифом. По Платону, Атлантида располагалась в Атлантическом океане за Гибралтаром и погибла примерно 12 тысяч лет назад (между 9750 и 8570 гг. до н.э.). Сведения об Атлантиде Платон привел в двух диалогах: «Тимей» и «Критий».

Греков до эллинизма спасала если не религиозная, то эстетически врожденная аксиома *благого конца* – меры: все, что прекрасно здесь, на земле, ограничено, замкнуто, причем замкнуто на себя, закончено. Эту тему можно развивать, казалось бы, бесконечно, как, например, это делал Алексей Федорович Лосев. Тогда ограниченность, конец лучше бесконечности. Поэтому в греческом искусстве эсхатология – начало эстетики, а в греческой мистерии – начало религии [13, с. 230]. «Личность бесконечна только в нездешней, трансцендентной возможности, а в здешней – ограничена, замкнута... Быть бесконечным здесь, на земле, значит быть безличным. Наша воля к земной бесконечности есть тайная воля к безличности». Действительно, жить бесконечно для человека бессмысленно, нет цели...

По мысли Мережковского, «от него-то и освобождает эсхатология, метод религиозно-исторического познания, не менее точный, чем все научные методы. Чтобы понять середину – всемирную историю, надо видеть ее начало и конец; чтобы понять смысл пути, надо видеть, откуда и куда она ведет» [13, с. 231]. Здесь Мережковский вполне солидарен с мыслью, четко выраженной В.С. Соловьевым: бесконечное развитие невозможно и бессмысленно. «Первое знание, данное человеку: “я”, бытие внутреннего мира, личности – психология, в самом широком смысле; второе знание: “не-я” – бытие внешнего мира – космология; третье: конец “я” и “не-я” – эсхатология. Все три знания одинаково точны, но не одинаково легки: самое легкое – первое, третье самое трудное. Вся культура, или, вернее, «цивилизация», движется в среднем – космологии; вся религия – в крайнем – в эсхатологии» [13, с. 231]. Действительно, практически во всех религиях есть представление о Конце.

Два сказания о гибели человеческой цивилизации дошли до нас: вавилонское, повторенное в книге Бытия, о потопе; египетское, записанное Платоном, об Атлантиде. Является ли последнее мифом? Для Платона, по мысли Мережковского, «миф», может быть, самая лучшая часть его мудрости: «Мифы Платона – всем эллинским мифам венец, а жемчужина в венце – “Атлантида”. “Кто ее создал, тот и разрушил”, – чтобы это сказать, надо быть таким трансцендентно-лютым врагом Платона, каким был ученик его, Аристотель» [13, с. 235].

Как бы там ни было, главное, что волновало Мережковского, – это проблема возможной гибели цивилизации. Он стремился предупредить людей, не допустить Конца. И не правы те исследователи его творчества, которые стремятся сделать акцент на апокалипсических, упаднических моментах написанного им. Он все же был оптимистом, верящим в счастливое будущее на земле.

Библиографический список

1. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: в 24 т. М., 1914.
2. Семенкин Н.С. Философия богоискательства: критика религиозно-философских идей софистов. М., 1986.
3. Курабцев В. Новое религиозное сознание // Русская философия: малый энциклопедический словарь. М., 1995.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17.
5. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
6. Большевик и человечество // Независ. газ., 1993. 23 июня.
7. Злобин В. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом // Возрождение. 1956. № 53.
8. Гиппиус З. Первое собрание // Последние новости. 1931. 13 февр.
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2, ч. 2.
11. Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Н. Бердяев о русской философии / сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск, 1991. Ч. 2.
12. Гасилин В.Н. Эвристические функции диалектики: прошлое и современность // Эвристические функции диалектики / под ред. В.Н. Гасилина. Саратов, 1991. С. 3–34.
13. Мережковский Д. Собр. соч. Тайна Трех / редкол.: О.А. Коростелев [и др.]; сост. и подгот. текста А.Н. Николукина. М., 1999.

S.M. Frolova
Dreams as a Reflection
of Eventness of Daily Being

The analysis of reputed scientific theories of dreams formation is drawn. It is proposed to consider dreams as the awareness of our presence in the world, and as a part of daily life, contributing to the continuation of actual events of everyday reality that provide for existential succession and continuity of daily being.

Key words and word-combinations: dreams, daily life, daily being, sources and meaning of dreams, the role of daily life in the formation of dreams.

Анализируются известные научные теории формирования снов. Предлагается рассматривать сновидения как осознание нашего присутствия в мире, как часть повседневности, своего рода продолжение реальных событий каждодневной действительности, обеспечивающих экзистенциальную преемственность и непрерывность повседневного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: сновидения, повседневность, источники и значение сновидений, роль повседневности в формировании снов.

УДК 165
ББК 87.22

С.М. Фролова

СНОВИДЕНИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОБЫТИЙНОСТИ
ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

Сон, как устойчивый, повторяющийся элемент бытия, воссоздает в явной или скрытой форме определенные события повседневной действительности, отражает переживания человека, испытываемые в процессе его жизнедеятельности. Феномен сновидения по-разному трактуют психологи, философы, эзотерики. Сновидения изначально рассматривали как своеобразную форму общения с духами, впоследствии исследователями выдвигались различные научные концепции, объясняющие возникновение снов: одни воспринимали сны как интерпретацию бессознательного, другие считали сны последствием воздействия архетипов на внутренний мир человека, третьи относили сновидения к показателям умственной деятельности челове-